

Дмитрий Ближнюк

СУБМАРИНА ДЛЯ ДВОИХ

ночной охранник в бизнес-центре
сторожит вселенную.
ночь точно пума в будке — сверкает голубыми белками.
дьявол плавает в бассейне, как пятно нефти.
погашены огни, царит ультрафиолетовый свет.
золотые трусики луны наброшены на небоскрёб.
бокс, секс, футбол. соскреби краску с пространства,
с ночных деревьев: точно всадники без седла —
увидишь символы, понятные лишь программисту.
протяжно шипит ночная дорога,
шуршит интернет, как пенопласт,
природа не терпит пустоты,
и ей порядком надоело отсутствие Господа.
будь же ты благословенна, планета,
где есть вай-фай. разломишь флешку, как хлеб,
с друзьями, которых нет.
какие только глупые мысли не всплывают
в ночную гавань
охранника. бизнес-центр «Нобель».
15 гривен в час, и камеры на мониторе:
аквариумы с водорослями, но без рыбок.

моргают дисплеи денежных автоматов,
кофейный аппарат пересчитывает
коричневые крупы яда.
телефоны неподвижны,
точно спящие пираньи, и утром ранним на меже
между реальностями, как зернышко,

ты не перемолот жерновами: вот это чудо!
осмотришь, задумаешься. перестегни ошейник
на один пробел, шип. расслабься. скоро смену
сдавать очередному неудачнику,
скоро придут сонные напудренные гейши
чтобы убрать за тобой
невесомую шелуху ночных мыслей.

я в осень пролезу,
как пацан в ржавую субмарину для двоих
через сорванный люк.
но уже без тебя, без кулька с алюминиевой посудой,
без детских книг.
вот пыльный перископ с треснувшим стеклом
или это сенокосец в углу забыл свернуть паутину
и смыться в паучий рай на клюве синицы?
жизнь исподволь меня излечит — состарит, как зверя,
высыплет на голое тело ведро мела, морщин,
дождевых вен, ворох горчичных веснушек.
но я никогда не буду таким, как ты.
столько же раз я был прав, сколько же и ошибался,
но не пил воду из общественного фонтана, вкус счастья,
вкус хлорки, сплоченности, глупости, единства.
все так же храню верность ювенильной мечте.
нитяной браслет с ракушкой ношу на запястье.
а жизнь продолжает сниться.
а лебедь зашит в подушку, подушка зарыта в саду:
там в жирных объятиях чернозема
красиво сгнили наши резвые солнечные двойники,
поцелуи мокрицами расплзлись под камни.
и бредит синий мальчик неба
в жестяном лжеперламутровом корыте,
но я спрятал наше море — укрыл плечом
от толстой алчной соседки.
а помнишь а помнишь а помнишь

мы строили подводную лодку на кухне
из желтого картона игрушечной любви,
еще не покрыты слоями разумного металла,
кислотными дождями, окалиной скандалов.
я в нашу осень пролезу, люк сорван,
имярек без крыши,
там где мы любили — там еще кто-то дышит.
время не терпит пустоты.

есть ли жизнь после смерти?
не нужно знать. пусть
морковки с осликами
бредут вдоль пропасти в неведении.
спотыкаются, упираются, срываются.
пусть дети наполняют смыслом
минуты:
новенькие презервативы
холодной водой из-под крана,
и бросают с балкона — бах!
зеленым воздухом весны опоены
змеиные деревья. ну и что?
мы смертны. вопреки.
все вечные вопросы — радиоактивны.
и бедный мозг светится в темноте,
точно болотная гнилушка.
но есть противоядие
от философии, от депрессии и хандры:
влюбиться или —
начать писать стихи.
яд ядом вышибают.

миры зарастают бурьяном, ржавеют и гниют,
а ласковый рассвет — серый сеттер —
приносит тапочки хозяину. и пенье соловья.
обязательно что-то останется после тебя

хлеб, нож или страница.
весь ты не умрешь, но и умрешь не весь.
Господь не ведает, что ждет его в конце
вещей,
так что не бойся. в том, что сотворишь
или разрушишь — только бессмысленное
имеет смысл. на сваях тайны держится вселенная.

мы
мыльные пузырьки на пенной вечеринке,
лопаемся — шелковый тишайший щелк —
но есть надежда, есть раковые клетки —
бракованное бессмертие наизнанку
испорченный чертеж. смотри:
жизнь в твоих руках,
даже если ты многоножка.

кто же ты?
невидимка, бегающий между словами-
лимузинами в час пик.
цветок среди потных монет
в громадном фартуке молочницы.
нечто,
мелькнувшее среди двух сотен войн.
колибри вымысла.
надежда. сверчок
в темнице. морковный сок
в хрустальной глотке
снеговика.
весна,
весна...

●

собор-краб с оторванной клешней
взбирался на холмы и дураки неба
в смиренных рубахах
корчили рожи облаков.

заботливая осень
кормила
ржавой музыкой из ложки
темно-оранжевых младенцев парка.
постный суп из капустниц скис,
салат из поцелуев и устриц.
но город нарядный еще дышал и жар
оранжевый и позолоченная зелень лета,
любовник Август ушел, ушел
нет его. и природа перед зеркалом —
тяжелый кусок отполированного свинца —
снимает длинное платье проспекта
в вечерних огнях. фиолетовые оттенки
с вырезом на спине, стоянка машин.
склонив голову, расстегивает серьгу:
старинное изделие с жемчугом.
медленный маленький самолет ползет
плодожоркой в персиковом небе.
прикусила губу,
темна зелень скамьи.

как хорошо,
что мечты не сбываются.
я не стал миллионером,
не мозолю соседям глаза на лимузине.
отлично. не отрастил мышцы как у Ван Дамма.
не вмонтировал в зуб маленький бриллиант.
как хорошо, что я никогда
не стану лучшим футболистом мира
по версии Фифа.
никогда не буду читать лекцию по литературе
в дворце шведского короля. как хорошо,
что не разбился твой муж в аварии,
что я не женился на скользкой красивой твари.
что не умерло несколько десятков людей

по хищному щучьему веленью,
по горячке сердца.
как хорошо, что есть предохранитель
на палочке волшебника, иначе
я сжег бы города, соблазнил
всех молодых красавиц на планете.
сошел с ума
от всевластия.
полубог, так и не ставший человеком.

все желания и мечты
проходят тест на допинг
у реальности. и зверь во мне,
опоенный разумом, как белладонной,
постанывает, шатается, изнывает,
покрывается красными волдырями,
качается у края бездны (осыпается земля).
посажен на цепи рассудка.
лишь во сне отпускаю зверя в кипящие миры
запредельных фантазий
и в благодарность он несет из зазеркалья
то целую ногу княжны Тамары,
(покрыта автозагаром, будто коричневым жиром)
то чемоданы с долларами, и запах денег
еще витает в сознании — если проснулся —
едва уловимый аромат дорогой сигары.
как хорошо весь этот пережной,
компост желаний и амбиций
бросать под ноги самому себе.
и делать шаг, другой. невозможная боль
и глупость, притяжение разочарований.

и вырастут здесь корабли,
взбивая высокими мачтами небеса,
как гоголь-моголь деревянной вилкой,
хоть море далеко.